

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

Ф. И. Тютчев

(некролог)

Еще прошлую зиму можно было нередко встретить в Петербурге на улице, а встретив, нельзя было не заметить старичка невысокого роста, в шинели или пальто, опущенном с одного плеча, старичка, двигавшегося медленно, как бы сонливо, и мало обращая внимание на уличную толкотню. Старичок этот был Федор Иванович Тютчев, камергер, председатель комитета цензуры иностранной и один из немногих поэтов наших, отличавшихся действительным, хотя и не крупным дарованием.

Покойный относился к числу тех людей, которые являются весьма своеобразными, оригинальнейшими типами русской жизни и которых если и можно встретить у иностранцев, то гораздо реже, чем у нас. Русское общество, сложившееся под условиями исключительными, взаимно противоречивыми, являющее на каждом шагу полнейшую неразвитость рядом с перзрелостью, не имеющее среднего уровня ни в отдельных лицах, ни в сословиях, — общество это производит иногда людей, хоть сколько-нибудь ослабляющих эту особенность. У нас не в диковину лица, не принадлежащие ни к какому кружку и, тем не менее, имеющие весьма прочные свои убеждения; — лица, если можно так выразиться, философски объективные и все-таки глубоко сочувствующие всему честному и доброму, под каким бы знаменем оно ни проводилось; лица, так сказать, несущие в себе одно из ранних воплощений будущего, цельного, развитого человека и потому неминуемо имеющие духовную связь с хорошими сторонами тех или других соотечичей своих. Они выше партий, эти люди, поэтому во всех партиях находят они известного рода расположения к себе, к той или другой стороне своей деятельности; они, благодаря этому духовному

родству, в том или другом вопросе с людьми самых противоположных убеждений — легко прощают ошибки всех и каждого, и отличительной чертой их, наиболее яркою и бросающеюся в глаза, является незлобивость, доброта, снисходительность, хотя и не лишённые чувства юмора — в редких, очень редких случаях сарказма. Эти люди всегда талантливы, но они разбрасывают свой талант задаром; жизнь их всегда подвижна, не лишена романтизма и неожиданностей; известность их, их имя всегда больше того, чем бы они могли быть, если бы оценивать только по величине и значению таланта, — это вполне понятно: у нас так мало людей!

Ф. И. Тютчев относился именно к этим своеобразным русским типам, совершенно необходимым в нашем разрозненном обществе, и отзывы о нем, весьма симпатичные, помещенные по смерти его в повременных изданиях самых различных направлений, доказывают то уважение, или, если хотите, то имя — которым он пользовался. Двух маленьких книжечек стихотворений (издания 1854 и 1868 годов), из которых многие отмечены самым несомненным талантом, было бы все-таки недостаточно для составления этих отзывов. Культурное значение и влияние на общество таких глубоко честных и основательно образованных личностей, каким был покойный Федор Иванович, несомненно, и до поры до времени гораздо полезнее у нас в России, чем многие тома сочинений и так называемое значение в литературе.

Покойный, скончавшийся 72 лет от роду, происходил из дворян Орловской губернии и по окончании курса в Московском университете со степенью кандидата поступил на службу в государственную коллегию иностранных дел. С этого времени до 1837 года Федор Иванович состоял при посольствах в Мюнхене и временно исполнял должность посланника. В 1837 году назначен он на вакансию старшего секретаря миссии в Турине. С июля 1838 года исполнял он должность поверенного в делах при Сардинском дворе, а в июне 1839, по собственному желанию, отозван от этой должности: «чуть ли не растерял он депеш», пишет об этой отставке Погодин. Почти пять лет (с 1841 по 1845 год) покойный находился вне службы, а в 1848 году определен старшим цензором при особой канцелярии министерства внутренних дел. В апреле 1858 повелено ему быть председателем комитета иностранной цензуры, должность, в которой он и оставался до самой смерти, служа в двух министерствах: внутренних и иностранных дел. Как сказано нами в начале, Федор Иванович Тютчев состоял, кроме того, в звании камерге-

ра Императорского двора. Скончался он 15 июля, в Царском Селе, и похоронен в Петербургском Новодевичьем монастыре.

Литературная известность Тютчева началась поздно: стихотворения его, собранные в небольшом томике по настоянию И. С. Тургенева, изданы были впервые только в 1854 году особым приложением к входившему в силу «Современнику». Поэту было далеко за 50 лет. Этот томик, встретить теперь который — довольно трудно, составлял сборник небольших вещей чисто лирического содержания, образность которых проступала весьма рельефно. Чувства и природа давали главную тему, и поэт, встречая, например, весну и глядя на пробуждение жизни, будучи сам полон силы и надежды, говорил, что на земле так хорошо и красиво:

Как будто ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба
Смеясь, на землю пролила!¹

Годы взяли, однако, свое и весна перестала казаться Тютчеву пролитой на землю, рукою красавицы Гебы, нектара богов. Интересы более серьезные, затронутые наступавшею в те дни эпоху реформы нынешнего царствования, — пробудили иные звуки в его сердце и мыслях и обусловили крутой поворот в характере поэтических произведений. В минуты тяжелого сомнения возникал в душе его вопрос:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
На старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растрепанье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа!

и вопросу этому было много пищи, благодаря темным слухам, находившим, где гнездиться на людях, не желавших реформ. Людей этих было достаточно, и вот, глядя на них, сомневаясь в полной победе светлых сил, Тютчев написал 12 строк, глубоко

поэтических и вошедших в нашу литературу с полным правом на бессмертие. Эти 12 строк посвящены «русскому народу»:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный.
Исходил, благословляя.

Современные мотивы, от приезда к нам славян до смерти Наполеона III (последнее стихотворение Тютчева), сюжеты для которых представлялись в таком обилии в первое десятилетие нынешнего царствования, поглотили совершенно всю творческую деятельность покойного. Многие из них, особенно эпиграммы (они хранятся у Погодина), никогда не появлялись в печати, и небрежность, с которую относился он к обработке своих творческих проблесков, небрежность, сквозящая в каждой почти строке их, объяснена очень хорошо им самим в стихотворении, которое написал он М. Погодину, посылая ему книжечку своих произведений:

Стихов моих вот список безобразный:
Не заглянув в него, дарю им вас.
Не мог склонить своей я лени праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...
В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились к утру, к вечеру умрут.
Так что ж тут хлопотать? Рука забвенья
Исправит все чрез несколько минут.

Да, Тютчев, как и десятки наших талантов, не дал и сотой доли того, что бы он мог дать. Поэт по призванию — он был убежден, что стихи живут два-три мгновения! Грустное убеждение, характерная черта! Современник первых опытов Виктора Гюго и Ламартина, университетский товарищ Погодина и слушатель Каченовского, Тютчев пережил Пушкина, Гоголя и Лермонтова, и настоящею заслугою его, как мы сказали, была его личность. «В Германии, — пишет о нем Погодин, — про-

жил он лет двадцать сряду. Как мог он, проведя половину жизни за границей, среди враждебных элементов, как мог он, барич по происхождению, сибарит по привычке, ленивый и беспечный по природе, ощутить, в такой степени сохранить, развить в себе честнейшие русские и славянские начала и стремления? Я удостоверился, — продолжает Погодин, — что никто в России не понимает так ясно, не верит так искренно в ее всемирное, общечеловеческое призвание, как Тютчев. Многие имеют, может быть, мысли более или менее верные о разных предметах, сюда относящихся, но никому не представлялись они в таком цельном виде, как ему. Как это случилось — это принадлежит к числу удивительных явлений русской жизни и русской истории. И при всем этом, — заключает Погодин, — Тютчев не был способен к срочной работе, к строгому исполнению определенной обязанности. Настоящею службой его была беседа в обществе!»²

Видеть ли нам знамение нашего времени и глубокий психический вопрос в возможности службы, состоящей в «беседе с обществом»?

1873

